

Юлиус Эвола

УКУС ТАРАНТУЛА

Оригинал: Julius Evola. The Tarantula's Bite

Источник: <https://counter-currents.com/2016/04/the-tarantulas-bite/>

Перевод с итальянского Г. А. Мальвичини. Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Говорят, что в одной неевропейской стране, но с древней цивилизацией, некая американская компания, сокрушаясь из-за недостаточного усердия местной рабочей силы, посчитала, что придумала действенный стимул: удвоение почасовой оплаты труда рабочих. Стимул не сработал: большинство рабочих стали работать только половину предыдущего количества часов. Считая первоначальное вознаграждение достаточным для удовлетворения своих естественных жизненных потребностей, они теперь считали совершенно абсурдным прилагать больше усилий, чем тех, которых согласно новой системе оплаты труда было достаточно для их получения.

Это антитеза тому, что называется стахановщиной. Эту историю можно считать критерием для сравнения двух миров, двух ментальностей, двух цивилизаций, одну из которых следует считать здоровой и нормальной, а другую аберрантной и психотической.

Тот факт, что приведенный нами пример не является европейским, не является основанием для того, чтобы кто-либо придумывал клише об инерции или лени рас, не принадлежащих к «активному» и «динамическому» западному типу. В этой, как и в других областях, такие возражения беспочвенны: достаточно оторваться от парадигмы «современной» цивилизации, чтобы найти здесь, на Западе, то же самое понимание жизни, то же отношение, тот же способ соотношения ценности денег и работы.

До появления в Европе того, что официально и многозначительно называлось «рыночной экономикой» [*l'economia mercantile*] (многозначительно, потому что мы знаем, каков был статус «купца» [*mercante*] и ростовщика в традиционной социальной иерархии), из которой должен был быстро развиваться современный капитализм, фундаментальным критерием в экономике было то, что внешние блага должны подчиняться определенной мере или пределу, что погоня за прибылью законна и прощательна только тогда, когда она служит для обеспечения средства к существованию, соответствующих положению человека. Следовательно, нормальная экономика по существу была экономикой потребления. Это было также взглядом томистов, а позже и Лютера. Важным было то, что индивид осознавал свою принадлежность к данной группе и существование определенных фиксированных границ или рамок, в которых можно было бы развивать свои возможности, реализовать свое призвание и стремиться к частичному, конкретному совершенству. Старая корпоративистская этика ничем не отличалась: она подчеркивала ценности личности и качества и в любом случае всегда рассматривала количество работы как функцию определенной степени естественных потребностей. В общем, понятие прогресса применялось к по существу внутреннему плану и не означало выход за пределы своего ранга в поисках прибыли или увеличение количества работы для достижения внешнего, экономического и социального статуса, статуса, который не был чьим-то собственным.

Все это были в те времена совершенно западные взгляды: взгляды европейского человека, когда он был еще здоров, еще не был «укушен тарантулом», еще не был одержим безумным возбуждением и гипнотическим трансом «экономики», которым суждено было привести его к беспорядку, кризисам и пароксизмам нынешней цивилизации. Сегодня нам предлагают ту или иную систему, пробуют тот или иной паллиатив, но никто не возвращается к истокам. Признать, что даже в экономической науке фундаментальными факторами являются духовные факторы, что изменение отношения, истинная *метанойя*, является единственным эффективным средством, если кто-то все еще хочет представить себе возможность остановить наше бегство вниз по этому склону,

– это прозрение, которое выходит за пределы разума технократов, которые сейчас дошли до того, чтобы провозгласить, что «экономика – это наша судьба».

Но мы знаем, куда ведет этот путь, путь, на котором человек предает себя, ниспровергает всякую справедливую иерархию ценностей и интересов, ориентируясь на внешнее, на погоню за прибылью и «производством», делая экономический фактор господствующей движущей силой своей души. Вернер Зомбарт, вероятно, проанализировал весь этот процесс лучше, чем кто-либо другой. Он неизбежно ведет к тем формам высокопромышленного капитализма, при которых люди обречены на гонку без передышки и неограниченное расширение производства, ибо всякая остановка была бы немедленно шагом назад и часто означала бы подрыв изнутри или разгром. Отсюда цепь экономических процессов, овладевающих телом и душой великого предпринимателя, связывающих его более, чем последнего из его рабочих, в то время как поток, ставший почти автономным, увлекает за собой тысячи существ и в конце концов диктует законы народам и правительства. *Fiat productio, pereat homo* [да будет производство, хотя человек может погибнуть], как писал Зомбарт.

Это раскрывает, среди прочего, что стоит за американским «освобождением» и экономической помощью в мире. Трумэн, переполненный бескорыстной любовью, хочет «экономического возвышения менее развитых областей земли»: другими словами, он хочет довести до конца новые варварские нашествия, унижая, в ничтожестве хозяйства, все те страны, которых счастливое стечение обстоятельств еще уберегло от укуса тарантула, страны, сохранившиеся до сегодняшнего дня в традиционной форме жизни, огражденные от экономической и «производственной» эксплуатации, превышающей все возможности человека и природы. *Mutatis mutandis*, с соответствующими изменениями Америка продолжает использовать старые методы: коммерческие компании в сопровождении пушек «убеждают» тех, кто не заинтересован в торговле...

Такая этика, выраженная в принципе *abstine et substine* («воздерживаться и терпеть»), когда-то была западной, точно так же, как Запад предал эту этику своим представлением о жизни, которое вместо того, чтобы удерживать потребности в естественных пределах с целью удовлетворения стремления к тому, что действительно достойно человеческих усилий, вместо этого сделало идеалом увеличение и искусственное умножение потребностей, а следовательно, и средств их удовлетворения, невзирая на все возрастающее рабство, к которому это неумолимо ведет – во-первых, для отдельного человека, а затем для сообщества. Нет ничего удивительного в том, что при таких условиях уже не может быть стабильности, что все разваливается и что так называемый «социальный вопрос», и так уже изначально скомпрометированный невозможными предпосылками, обостряется в точности до степени, желаемой коммунизмом и большевизмом...

Однако сегодня дело зашло так далеко, что всякая иная точка зрения кажется «анахроничной» и «неисторичной». Красивые, бесценные слова! Но где бы ни произошло возвращение к нормальной жизни, станет очевидным, что для индивидуума не существует стоящего внешнего, «экономического» роста, соблазнам которого он не должен абсолютно сопротивляться, когда это означает существенное ухудшение его свободы; что никакая сумма денег не стоит того, чтобы отказаться от свободного места, пространства, чтобы дышать, чтобы снова обрести себя, быть собой и достичь всего, что возможно для каждого человека за пределами сферы, обусловленной материей и потребностями обычной жизни.

Тот же принцип справедлив и для наций, особенно когда их ресурсы ограничены. Здесь «автаркия» – этический принцип, ибо то, что должно весить тяжелее на шкале ценностей, одинаково и для личности, и для государства: лучше отказаться от фантазии об иллюзорном улучшении общих условий и принять, когда это необходимо, систему «аскетизма», жесткой экономии, вместо того, чтобы подчиниться ярму иностранных интересов, вместо того, чтобы позволить втянуть себя в глобальные процессы экономической гегемонии и бесцельной производительности, процессы, которые в конце концов, когда они рухнут, повернутся против тех, кто привел их в движение.

Все это в не меньшей степени станет очевидным для тех, кто поразмыслит над «моралью» простой истории, рассказанной в начале этого текста. Два мира, два менталитета, две судьбы. Против «укушенных тарантулом» выступают те, кто еще помнит, что такое правильная деятельность, усилие, стоящее того, что достойно стремления, что такое верность себе. Только они действительно «активны», только они являются теми существами, которые все еще способны выстоять.

Источник: Юлиус Эвола, *Ricognizioni: uomini e Problemi*
(Рим: Edizioni Mediterranee, 1974).

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.